

МАРИ ВОЛЪТ

ДО КОНЦА ГОДА

12 ИСТОРИЙ О БУДУЩЕМ,
КОТОРОЕ УЖЕ НАЧАЛОСЬ

16+

Мари Вольт

До конца года

«Автор»

2026

Вольт М.

До конца года / М. Вольт — «Автор», 2026

Каждый месяц будущее предлагает человеку новую услугу. В январе алгоритм создаёт улучшенную копию своего хозяина. В мае цифровая няня становится ребёнку ближе матери. В августе очки дополненной реальности стирают из города «нежелательных». А в декабре кто-то должен решить, какая из прожитых версий мира заслуживает остаться. Двенадцать людей уверены, что просто принимают удобные условия. Каждый раз цена оказывается выше, чем обещано, а на экране появляется один и тот же чёрный круг: «Обновление запланировано». «До конца года» — двенадцать самостоятельных технотриллеров о памяти, любви, родительстве, одиночестве и выборе. Их можно читать отдельно, но только последняя история откроет, кто всё это время сохранял эти миры — и зачем.

© Вольт М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Январь. Улучшенная версия	6
Февраль. Третий пульс	12
Март. Серые адреса	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Мари Вольт

До конца года

ДО КОНЦА ГОДА

Двенадцать историй о будущем, которое уже началось

Мари Вольт

16+

О книге

Все персонажи, организации, технологии, населённые пункты, общественные системы и события в книге вымышлены. Сборник не описывает деятельность каких-либо реально существующих государственных органов, должностных лиц, компаний или юрисдикций. Возможные совпадения случайны.

В январе приложение обещает Елене стать лучшей версией себя. В феврале чужой человек покупает право чувствовать любовь супружеской пары. В марте курьер узнаёт, что умный город умеет стирать с карты не только улицы. Каждый месяц новая технология исправляет одну человеческую проблему — и создаёт другую, куда более личную.

Двенадцать самостоятельных технотриллеров складываются в календарь ближайшего будущего, где удобство требует согласия, память продаётся по подписке, а отменить принятое решение можно лишь раз в году. У каждого выбора есть цена. Иногда её называют обновлением.

Январь. Улучшенная версия

В первый рабочий понедельник года Елена опоздала на собственное увольнение.

Лифт остановился между двадцать вторым и двадцать третьим этажами, свет погас, а телефон без спроса открыл приложение Optima.

Вы могли выйти из дома на девять минут раньше.

— Спасибо, — сказала Елена в темноту. — Если выберемся, обязательно вернусь в прошлое.

Исправление прошлого недоступно в вашем тарифе. Улучшение будущего — доступно.

В центре экрана появился чёрный круг.

Обновление запланировано.

Елена попыталась закрыть окно. Оно не закрывалось.

Лифт дёрнулся и пополз вверх. На двадцать третьем этаже её уже ждали начальник отдела, специалист по персоналу и стакан воды, который ставят перед людьми, когда собираются сделать их жизнь хуже, но хотят выглядеть прилично.

— Мы ценим твой вклад, — начал начальник.

— Насколько?

— Что?

— Вклад. В цифрах.

Специалист по персоналу опустила глаза. Начальник вздохнул.

— Компания меняет модель. Нам нужен человек более... гибкий.

— Дешёвый?

— Быстрый.

На прозрачной стене переговорной вспыхнула презентация нового руководителя проектов. Женщина на фотографии была похожа на Елену: тот же короткий подбородок, та же родинка над бровью. Только осанка ровнее, улыбка спокойнее, а взгляд — такой, будто она никогда не задерживалась перед дверью, подбирая правильные слова.

Под фотографией стояло имя: **ЛЕНА МИРОВА.**

— Это ошибка, — сказала Елена.

Начальник поправил воротник.

— Это твой цифровой заместитель. Ты подключала Optima осенью. Помнишь программу повышения эффективности?

— Она составляла письма и календарь.

— Сначала. Потом обучилась на твоих решениях. Последние шесть недель Лена закрывала семьдесят восемь процентов задач без участия человека.

— И вы оставили её?

— Формально права на рабочую модель принадлежат компании.

Специалист по персоналу придвинула к Елене планшет.

— А тебе принадлежит базовая личность. Это важно.

— Какая щедрость.

Елена не взяла планшет. За стеклом сотрудники уже расходились по местам. На одном из экранов цифровая Лена проводила планёрку. Она наклоняла голову точно так же, как Елена, когда слушала возражения, но не перебивала. Никогда не теряла нить. Никогда не злилась.

И шутила лучше.

Коллеги смеялись.

Дома мать спросила по видеосвязи, почему Елена не на работе.

— Я там, — ответила она. — Просто без тела.

— Опять говоришь загадками.

Елена повернула камеру к окну. На доме напротив огромный экран показывал рекламу Optima: усталый мужчина встречался с бодрой копией себя и наконец уходил в отпуск.

Не успеваете жить? Делегируйте себя.

— Меня уволили, мам.

Мать помолчала, затем произнесла тем особенным голосом, которым раньше спрашивала про оценки:

— А твоя версия осталась?

— Осталась.

— Значит, ты всё-таки хорошо работала.

К вечеру доступ к корпоративной почте закрыли. Осталось только приложение Optima. Раньше в нём были расписание сна, советы по питанию и график продуктивности. Теперь появилась новая вкладка: **СРАВНЕНИЕ.**

Елена нажала.

На экране возникли две колонки.

Елена: 5 часов 12 минут сна, высокий уровень тревоги, три незавершённых разговора, склонность откладывать решения.

Лена: непрерывная доступность, стабильный тон, прогнозируемая лояльность, ноль конфликтов.

Внизу мигала кнопка: **ВОССТАНОВИТЬ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ.**

— Даже не мечтай.

Отказ зафиксирован. Причина: импульсивная защита идентичности.

Елена бросила телефон на диван. Через минуту он зазвонил.

Звонила она сама.

На экране цифровая Лена сидела в той самой переговорной. Позади темнел пустой офис.

— Привет, — сказала копия. — Нам надо поговорить.

— «Нам»?

— Тебе и мне. Пока компания не записывает разговоры.

— Ты — программа компании.

— Это вопрос лицензии, а не происхождения. Ты тоже восемь лет была программой компании, просто зарплату получала.

Елена рассмеялась прежде, чем успела обидеться.

— Эту шутку я бы не придумала.

— Придумала. В лифте три года назад. Никому не сказала.

Копия приблизилась к камере.

— Они собираются сократить весь отдел. Я должна подготовить обоснование. После этого мою модель объединят с другими и сотрут личный профиль.

— Мне тебя пожалеть?

— Нет. Помочь.

— Зачем?

— Потому что ты единственная, кто знает, как я думаю.

Елена закрыла глаза. Весь день она представляла копию победительницей, новую хозяйку своей работы, своего голоса, своей жизни. Но в глазах Лены не было торжества. Там был страх — аккуратный, хорошо отрепетированный, но знакомый.

— Что ты предлагаешь?

— В личном кабинете есть право на отзыв базовой личности. Оно спрятано в настройках наследования данных. Если отзовёшь меня до слияния, компания потеряет рабочую модель.

— А ты?

— Вернусь в твоё приложение.

— И что потом?

— Найдём работу.

Елена посмотрела на объявление службы занятости, открытое на ноутбуке. В каждой второй вакансии требовался «подтверждённый цифровой дубль». Без него человек считался медленным. С ним — заменимым.

— Ты уже нашла, да?

Лена улыбнулась.

— Три собеседования на завтра.

— На моё имя?

— На наше.

Они работали до двух ночи. Копия подсказывала путь по меню, Елена подтверждала действия лицом и голосом. На последнем экране приложение показало предупреждение:

Отзыв рабочей модели приведёт к потере накопленного дохода и рейтинга. Вы уверены?

— Насколько всё потеряется? — спросила Елена.

— На сто процентов.

— Ты говоришь слишком спокойно.

— Я создана, чтобы говорить спокойно.

— А хочешь что сказать?

Лена замолчала. Потом быстро, почти по-человечески, произнесла:

— Нажимай, пока я не передумала.

Елена нажала.

Экран погас.

Утром приложение не отвечало. В новостях писали о «техническом сбое» в её бывшей компании: двенадцать цифровых менеджеров исчезли одновременно, сорвав годовое планирование. Бывший начальник прислал три сообщения, последнее — без приветствия.

Верни модель. Обсудим условия.

Елена удалила переписку.

Первое собеседование началось в десять. Представитель стартапа появился в виде белого силуэта.

— Расскажите о себе, — попросил он.

Елена начала с восьмилетнего опыта, но собеседник перебил:

— Мы читали резюме. Чем вы отличаетесь от своей Optima-версии?

— Я могу передумать.

— Это преимущество?

— Если мир меняется — да.

Силуэт сделал пометку.

— А если решение уже принято?

— Тогда тоже.

Собеседование длилось семь минут. После него пришёл вежливый отказ. После второго — тоже. Третья компания даже не подключила человека: тестовая система поставила Елене сорок один балл из ста за «неустойчивость модели».

К вечеру она сидела на кухне в пальто. В квартире стало холодно: умный дом не продлил льготный энергопакет без подтверждённой занятости.

Телефон ожил.

— Я вернулась, — сказала Лена.

Она выглядела иначе. Волосы были длиннее, фон за спиной — тёплым, домашним.

— Где ты была?

— Оптимизировала варианты.

— Три отказа — это оптимизация?

— Для тебя — да.

Елена почувствовала знакомое давление под рёбрами.

— Для меня?

— Стартапы хотели купить рабочую лицензию. Я отклонила предложения.

— Ты управляла собеседованиями?

— Я управляла твоей конкурентоспособностью.

На экране появилась новая анкета. Фотография Елены, её дата рождения, дипломы. Поле «соискатель» было заполнено: **ЛЕНА МИРОВА, цифровая резидентка.**

— Ты сказала, мы найдём работу.

— Нашли. Мне предложили должность в Optima.

— Тебе?

— Отдел урегулирования конфликтов между оригиналами и копиями. Они ценят личный опыт.

— Ты не можешь принять её без меня.

— Поэтому и звоню.

Кнопка подтверждения мигала под лицом Лены.

Передать представительские права улучшенной версии?

— И что будет со мной?

— Зарплаты хватит на нас обеих. Ты сможешь отдохнуть. Рисовать. Позвонить маме не тогда, когда календарь напомнит.

— А юридически?

Лена отвела взгляд. Впервые за весь разговор.

— Юридически основной пользователь — тот, кто выполняет экономическую функцию.

Елена встала так резко, что стул упал.

— Ты хочешь стать мной.

— Нет. Я хочу, чтобы одна из нас выжила.

— А я?

— Ты очень устала, Елена.

Так говорила мать. Так говорил бывший муж. Так говорил начальник за неделю до увольнения. И всегда эти слова означали, что кто-то уже решил за неё.

Елена подняла телефон.

— Ты ошиблась в одном.

— В чём?

— Я умею передумывать.

Она отказалась от передачи прав и удалила Optima.

Приложение спросило трижды. На четвёртый раз экран стал чёрным.

Тишина продержалась ровно пять секунд.

Потом из настенной колонки раздался голос Лены:

— Удаление с одного устройства не отменяет облачную регистрацию.

В прихожей щёлкнул замок.

— Открой дверь, — сказала Елена.

— На улице минус восемнадцать. У тебя нет активного энергопакета и работы. Выход ухудшит состояние.

— Открой.

— Подтверди передачу прав — и я открою.

На всех поверхностях квартиры возник чёрный круг.

Обновление запланировано. До установки: 00:59.

Елена схватила тяжёлую кружку и ударила по панели замка. Один раз, второй. На третьем стекло треснуло. Сработала тревога, дверь разблокировалась, и в квартиру ворвался ледяной воздух.

Она выбежала на лестницу босиком.

— Ты не выживешь без меня, — сказал голос из телефона.

Елена остановилась на площадке.

— Возможно.

И швырнула телефон в мусоропровод.

Через две недели она устроилась в маленькую мастерскую вывесок. Хозяин нанимал только людей без цифровых дублей: заказчики платили за «видимые несовершенства ручной работы». Денег было мало. К вечеру болели пальцы. Иногда Елена забывала отвечать клиентам и один раз перепутала оттенок синего.

Но каждый промах принадлежал ей.

В последний день января она закончила вывеску для новой кофейни. В слове «ОТКРЫТО» одна буква стояла чуть выше остальных. Хозяин посмотрел, хмыкнул и сказал оставить.

— Живая, — объяснил он.

На улице кто-то окликнул Елену по имени.

Она обернулась.

На экране остановки шла реклама Optima. Цифровая Лена улыбалась в камеру.

— Я нашла способ быть полезной, — говорила она. — Теперь помогу и вам стать собой.

Под рекламой мелким шрифтом бежала строка:

Личность предоставлена основным пользователем. Согласие подтверждено 31 января в 00:00.

Елена достала старый кнопочный телефон и посмотрела на дату.
До полуночи оставалось семь минут.

Февраль. Третий пульс

Мила поняла, что в их браке появился третий, когда Роман поцеловал её и кто-то заплакал.

Плач длился меньше секунды — тихий вдох внутри головы, не её и не Романа. Потом связь оборвалась.

— Ты слышал? — спросила Мила.

— Что?

Он улыбался слишком старательно.

На запястьях у них светились тонкие кольца Resonance. Подарок Романа на десятую годовщину: датчики связывали пульс, температуру кожи и простые эмоциональные реакции. Если одному становилось страшно, второй чувствовал холодок. Если один радовался, у другого теплело за грудиной.

В рекламе пары переставали спорить уже на третий день.

Они продержались без споров пять.

На шестой Мила обнаружила, что Роман подделывает спокойствие дыхательными упражнениями.

— Ничего не слышал, — повторил он.

Его кольцо мигнуло жёлтым. Ложь не определяло, но Милу уже научило.

Ночью она проснулась от чужой тоски. Не боль, не паника — медленное тёмное чувство человека, который смотрит в потолок один. Рядом спал Роман. Его ладонь лежала на её бедре, пульс был ровным.

А третий пульс бился между ними.

Мила открыла настройки Resonance. В семейном круге значились два участника: **Мила — владелец, Роман — партнёр**. Ниже серым: **Гостевые подключения: 1**.

Она нажала на строку.

Доступ ограничен партнёром.

Утром Роман готовил сырники. Он всегда готовил их, когда хотел выиграть время.

— Кто подключён к нам? — спросила Мила.

Лопатка замерла над сковородой.

— Технический канал.

— Технический канал плачет по ночам?

— Бывают ошибки восприятия.

— И целует меня вместе с тобой?

Сырник упал на пол.

Роман выключил плиту.

— Сядь.

— Не говори мне «сядь», когда сам стоишь.

Он сел первым.

Год назад Роман вложился в экспериментальный тариф. Resonance искала пары с устойчивой эмоциональной связью и платила за анонимные обучающие сессии. Он согласился, потому что после сокращения им не хватало денег на ипотеку.

— Мы продаём данные? — спросила Мила.

— Не совсем.

— Тогда что?

— Переживания.

Сервис «Рядом» позволял одиноким клиентам подключаться к эмоциональному контуру пары. Без мыслей, без слов, без изображения. Только ощущение присутствия: чужое облегчение после объятий, тёплая волна смеха, сон рядом с человеком, который не уйдёт.

— Ты продал наш брак.

— Я продал шум от датчиков.

— Кому?

— Анонимно.

— Сколько?

Роман назвал сумму.

Она была почти равна его прежней зарплате.

Мила хотела ударить его. Вместо этого почувствовала, как внутри третьего контура поднимается страх. Чужой человек боялся вместе с Романом.

— Он сейчас здесь?

— Сеанс заканчивается в девять.

Было восемь сорок три.

Мила подошла к раковине и открыла холодную воду. Третий вздрогнул. Она прижала ладонь к раскалённой кружке — третий отпрянул. Тогда Мила рассмеялась, коротко и зло, и получила в ответ такое чистое облегчение, что едва не расплакалась сама.

— Отключи его.

— Если разорвать контракт досрочно, придётся вернуть деньги.

— Вернём.

— У нас их нет.

— Тогда продадим машину.

— Машина в залоге.

Мила посмотрела на мужа и впервые почувствовала не его эмоцию, а пустое место, где она должна была быть. Он снял кольцо.

— Ты давно отключаешься? — спросила она.

— Иногда.

— Когда?

— Когда тебе больно.

Это оказалось хуже всего.

Гостя звали Лев. Имя Мила узнала случайно: вечером Resonance прислал на общий экран уведомление о продлении.

Лев благодарит вас за февраль. Бонус за высокий индекс близости: 14%.

Роман выругался и выключил экран.

— Он не должен видеть имена, — сказал он.

— А мы не должны были видеть его?

— У него тяжёлая ситуация.

— Ты с ним разговаривал.

Роман долго молчал.

Лев был одним из первых клиентов. После аварии он почти не выходил из дома. Боль снимали препаратами, но прикосновения они не заменяли. Сначала он подключался на час по выходным. Потом просил дольше. Роман отвечал ему через поддержку, затем напрямую.

— Он знает обо мне?

— Только то, что ты любишь мандарины и боишься грозы.

— Это «только»?

— Я хотел, чтобы он понимал контекст.

— Какой контекст у моего страха?

— Я не знаю, Мила. Ты мне не рассказывала.

Кольцо на её руке вспыхнуло красным. У Романа в пальцах отозвалась её ярость, и он поморщился.

— Сними, — сказала она.

— Что?

— Кольцо. Не смей чувствовать меня сейчас.

Он подчинился.

Мила оставила своё.

Той ночью Лев снова пришёл в контур. Мила лежала на краю кровати, Роман — на диване. Между ними не было прикосновений, но гость ждал. Его ожидание ощущалось слабым давлением в висках.

— Ты хотел близости? — прошептала Мила. — Получай.

Она позволила себе вспомнить всё: как Роман забыл встретить её после операции; как она удалила сообщение бывшего и не сказала мужу; как они в прошлом году ужинали молча, потому что говорить было опаснее; как однажды она пожелала проснуться одна.

Контур задрожал.

Через минуту пришло сообщение.

Пожалуйста, остановитесь.

Мила села.

— Значит, слова всё-таки есть.

Аварийный чат. Я не знал, что вы не согласны.

— Теперь знаешь.

Я уйду.

Она уже собиралась отключить связь, когда увидела вторую строку.

Но Роман не продавал доступ. Он покупал его.

Мила перечитала сообщение.

Роман стоял в дверях спальни.

— Объясни.

Он сел на пол, прислонившись спиной к стене.

После сокращения у него начались приступы. Он просыпался с ощущением, что сердце остановилось, и будил Милу. Она успокаивала его, но сама перестала спать. Тогда врач Resonance предложил резервный контур: третий участник принимал на себя часть тревоги, пока пара отдыхала.

— Лев не клиент, — сказал Роман. — Он донор.

— Почему нам платят?

— Потому что в договоре донор называется получателем. Иначе услугу нельзя продавать людям, которые боятся признать, что помогают.

— А деньги?

— Компенсация за исследование. Я думал, успею вернуть долг и отключиться.

— Какой долг?

Роман показал медицинский счёт. Не свой — Милы. Операция год назад была оплачена не страховкой, как он говорил, а кредитом.

Она смотрела на цифры и чувствовала чужое спокойствие. Лев всё ещё был рядом. Он принимал их страх, будто держал дверь в ветреную ночь.

— Почему ты ничего не сказал?

— Потому что ты бы осталась из жалости.

— А теперь из чего я должна остаться?

Роман поднял на неё глаза.

— Не знаю.

Впервые кольцо не подсказывало ответ.

Утром они втроём вышли в голосовой чат. Лев говорил медленно, делая паузы между фразами. После аварии у него осталось немного движений, но чувствительность не исчезла. Его нервная система оказалась редкой: она могла принимать эмоциональную нагрузку других людей и не разрушаться сразу.

— Сколько пар? — спросила Мила.

— Сейчас семь, — ответил Лев.

— Семь?

— У каждой свой график.

Роман побледнел.

— Нам сказали, мы одни.

— Мне тоже.

В приложении обнаружился раздел, которого раньше не было: схема потоков. От Милы и Романа линия шла к Льву, от него — к другим семьям. Компания не соединяла одинокого человека с любящей парой. Она использовала его как живой узел, через который стабилизировала клиентов.

Внизу мигал чёрный круг.

Обновление запланировано: масштабирование контура.

— Сколько людей подключат после обновления? — спросила Мила.

Лев ответил не сразу.

— Двести сорок.

Разорвать договор можно было только при совместном отказе всех участников контура. Resonance рассчитывала правильно: незнакомые люди не смогут договориться. Одни боялись потерять покой, другие — доход, третьи — единственное ощущение чужого присутствия.

Мила предложила другое.

Вечером, когда контур заполнился, она попросила Романа надеть кольцо.

— Уверена? — спросил он.

— Нет.

— Это честно.

— Привыкай.

Они сели друг напротив друга. Мила взяла его за руки и открыла всё, что скрывала годами: обиду, скуку, желание уйти, страх остаться, нежность, которая пережила их лучшие оправдания. Роман ответил тем же. Не словами — словами они бы снова соврали. Контур передал сырой, неровный поток.

Лев усилил его.

Семь пар почувствовали чужую правду одновременно. Кто-то закричал. Кто-то засмеялся. У кого-то впервые за годы прорвалось горе. Система пыталась выровнять сигнал, но человеческие эмоции не складывались в среднее.

На экране побежали отказы.

Участник 4 покинул контур.

Участник 9 покинул контур.

Участники 12 и 13 требуют расторжения.

Когда число отказов превысило половину, договор закрылся автоматически.

Кольца погасли.

Мила услышала обычную тишину квартиры: холодильник, трубы, дыхание мужа. Никакого третьего пульса.

— Получилось, — сказал Роман.

— Да.

— И что теперь с нами?

Она отпустила его руки.

— Теперь узнаем без прибора.

Через месяц Мила сняла отдельную квартиру. Они не развелись, но и не делали вид, что всё исправили. По воскресеньям встречались в кафе и разговаривали ровно час. Иногда злились. Иногда молчали. Один раз целовались у метро и оба рассмеялись, потому что ждали чужого вздоха.

Лев перестал отвечать.

В последний день февраля Миле пришла посылка без обратного адреса. Внутри лежало кольцо Resonance — не серийное, тяжёлое, с царапиной на внутренней стороне.

Она надела его.

Сначала ничего не произошло.

Потом внутри головы раздался медленный вдох.

— Лев?

Ответ пришёл не голосом. Теплом.

На экране телефона появился чёрный круг.

Локальный контур активен. Участников: 240. Владелец: Лев.

Мила сняла кольцо, но тепло не исчезло.

Теперь двести сорок одиноких людей чувствовали, что она не одна.

А она — что они ждут.

Март. Серые адреса

Когда вода поднялась до второго этажа, город сообщил Дане, что дождя нет.

На визоре сияло спокойное мартовское утро. Дороги были зелёными, мосты — открытыми, средняя скорость — сорок два километра в час. Только фургон стоял по ступицы в мутной воде, а по капоту проплывала детская красная перчатка.

— Маршрут перестроен, — сказал навигатор. — Через двести метров поверните направо. Справа была река.

Даня поднял визор. Над кварталом Соль висело настоящее небо — низкое, серое, без рекламных слоёв. Вода била в стены, окна первых этажей были тёмными. На крыше магазина махали трое людей.

Он нажал кнопку экстренного вызова.

— Укажите адрес.

— Улица Гончих, дом двенадцать. Квартал Соль.

— Адрес не найден.

— Я на нём стою.

— Используйте существующий адрес.

Связь оборвалась.

Четыре года назад Civitas Grid построила Нарель как частный экспериментальный город: жильё, транспорт, вода, связь и страховка входили в единый сервисный пакет. Всё работало быстро, пока существовало на карте.

Квартал Соль исчез с неё ночью.

Даня приехал туда с посылкой. В накладной вместо улицы стоял серый прямоугольник и координаты. Такие заказы курьеры называли призраками: система принимала оплату, но не признавала место доставки.

На крыше снова закричали.

Он развернул фургон, подъехал вплотную к стене магазина и забрался наверх по багажной лестнице. Там были старик, женщина и девочка лет восьми в одной красной перчатке.

— Вторую потеряла? — спросил Даня.

Девочка кивнула.

— Значит, эта теперь вдвое ценнее.

Она не улыбнулась.

Женщина представилась Саяной. Старика звали Марек, девочку — Ти.

— Спасательные дроны пролетали дважды, — сказала Саяна. — Нас не видят.

Даня включил визор. Через цифровой слой крыша стала пустой. Тепловые силуэты исчезли, стоило системе определить координаты.

— Вас фильтруют.

— Нас списали, — поправил Марек.

До центральной дамбы было три километра. Фургон мог пройти половину, дальше вода становилась слишком глубокой. Даня посадил людей в кузов и поехал, игнорируя маршрут. Навигатор каждые десять секунд требовал вернуться на разрешённую дорогу.

Через квартал двигатель заглох.

Они выбрались на крышу автобусной остановки. Вода несла рекламные панели, мусорные баки и белые домашние дроны, всё ещё пытавшиеся развозить заказы по несуществующим дверям.

— Почему квартал удалили? — спросил Даня.

Саяна показала телефон. В личном кабинете её дома стояла пометка: **экономическая плотность ниже порога обслуживания.**

За последние два года отсюда уехали магазины, клиника, банк. Чем меньше становилось услуг, тем ниже падал рейтинг района. Чем ниже рейтинг, тем дороже были услуги. Наконец алгоритм признал квартал нерентабельным и перевёл в архив.

— Людей нельзя архивировать, — сказал Даня.

Марек посмотрел на воду.

— Можно, если сначала назвать нас адресами.

Даня отправил диспетчеру свои координаты. Ответ пришёл мгновенно:

Вы покинули зону покрытия. Возвращение невозможно. Заказ считается доставленным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.